

Е.М. Попова

**ВОСПОМИНАНИЯ О ГОДАХ БЛОКАДЫ.
«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»**

ФБУН «Научно-исследовательский институт
эпидемиологии и микробиологии имени Пастера»

Аннотация. В статье приведены личные воспоминания бывшей сотрудницы Санкт-Петербургского НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера Поповой Екатерины Михайловны (1916–2012) о трагических днях блокады Ленинграда и работе Института в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Специалист Института в области этиологии, диагностики и профилактики лептоспирозов, заведующая лабораторией природно-очаговых инфекций Института в период с 1968 по 1974 гг., Е.М. Попова в 1938 г. с отличием окончила Ленинградский университет. В Институте имени Пастера работала с 1940 по 1978 годы. В годы войны и блокады Ленинграда Екатерина Михайловна вместе с другими сотрудниками Института в тяжелейших условиях голода, холода и бомбежек, наряду с научными исследованиями, проводила большую противэпидемическую работу, особенно актуальную в условиях блокированного города. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». Находясь на заслуженном отдыхе, Екатерина Михайловна принимала участие в выполнении научных исследований; была председателем Совета ветеранов Института. Копии рукописных воспоминаний своей бабушки передала в дар Институту её внучка — Мельникова Мария Аркадьевна.

Ключевые слова: Ленинградский Институт эпидемиологии и микробиологии имени Пастера, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, эпидотряды, завшивленность беженцев, подворные обходы, дистрофия, больницы Боткина и Фореля, главный эпидемиолог Балтийского флота, профессор Владимир Ильич Иоффе, продовольственные карточки, сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам.

С 8 сентября 1941 года Ленинград находился в кольце блокады. С ближайших пригородов население бежало в город, чтобы укрыться от фашистов, сохранить жизнь. Бадаевские склады сгорели, начался голод. Нависла опасность возникновения эпидемий и в первую очередь сыпного тифа. Завшивленность беженцев была страшная. В связи с этим по районам производились подворные обходы для выявления больных и завшивленных. Были организованы эпидотряды из сотрудников и военных санинструкторов. В любой район города ходили пешком, так как в зимнее время трамваи и другой транспорт не работали.

Мне приходилось проводить осмотр на вшивость детей в районах Рижского и Витебского вокзалов, которые подвергались интенсивному

снарядному артиллерийскому обстрелу. В 1942 году приходилось посещать больных лептоспирозом в больнице Боткина, в больнице Фореля (которая находилась прямо против Балтийского вокзала) для забора от них материала для бактериологического обследования. Когда я вспоминаю «пути-дороги», которые приходилось пройти, становится страшно. Ведь приходилось идти маршрутами по 10 и более километров. Наиболее сложно было преодолевать Кировский мост и Марсово поле. Во время обстрела приходилось ползти. Уходя в больницу, мы не знали, удастся ли нам вернуться в Институт.

В один из таких походов в больницу Боткина, закончив забор материала от больных, я вышла за пределы больницы, как вдруг начался интенсивный артобстрел, и несколько снарядов обрушилось именно на тот 31-й павильон, в котором я буквально несколько минут находилась. Он разлетелся в щепы, все больные погибли.

Вспоминания о годах блокады

«Копейки по мукам»

В сентябре 1941г. Ленинград находилась в окружении. Сильнейшим образом население города в этот период испытывало трудности, сохранялись только Бадаевское кладбище, Марсово поле. Наиболее опасной была ситуация в отношении артиллерии и в первую очередь в отношении гирь. Запасы снарядов артиллерии были стратегич. В связи с этим по воле командования были организованы отходы для Гвардейской артиллерии и Запасной артиллерии, были ограничены отходы из коммунальных и военных учреждений. В этот район города ходили только те, в зимнее время только те, кто не работал.

Мы приходились проводить осмотры на улицах вост. частей в районах Ринского и Витебского вокзалов, изредка также в центре подвергаясь интенсивному артиллерийскому обстрелу.

В 1942 году приходилось посещать больных лептоспирозом в больнице Боткина, в больнице Фореля (которая находилась прямо против Балтийского вокзала) для забора

Фрагмент записей Е.М. Поповой

Другой подобный трагический случай произошел в больнице Фореля. Когда я пришла, меня на вахте не пропустили, так как двумя часами ранее при обстреле снаряды попали на территорию, и один из них разрушил помещение, в котором находились выздоравливающие больные (назначенные к выписке), к которым я направлялась. Все 26 больных погибли. Через несколько лет, изучая архивные материалы, мне попались болезни этих погибших. В эпикризе было написано о дне выписки, а за этим следовало: убит при артобстреле, и я вспомнила тот страшный день.

Главврач больницы Фореля Ольга Павловна Степанова была удивительно доброй. Ко мне она относилась с большой симпатией, всегда старалась накормить супом или кашей, чтобы поддержать силы, для преодоления километров. Она как-то сказала, что я похожа на её дочь, которая во время войны находилась в Монголии. Я была ей очень благодарна за такое доброе отношение.

Не могу забыть ещё одного моего похода, который я преодолела с трудом. Муж плохо себя чувствовал и из казармы МПВО (местной противоздушной обороны) на несколько дней пришёл домой. Положенный ему продуктовый паёк нужно было получить в распределителе на Крестовском острове — идти, естественно, должна была я. Такой далекий путь меня, конечно, страшил. Не было сил, но выхода другого также не было. Я старалась варить суп из морских свинок. Муж категорически настаивал, чтобы я пошла в этот далёкий путь, ведь военный паёк облегчил наше существование.

Нам давали в Институте еду, но муж эту еду не принимал. И вот я отправилась в путь от Казанской площади через Дворцовый мост, далее через Тучков мост на Петроградскую сторону. Слава Богу, было тихо, тепло, небо безоблачное. Добралась до Крестовского благополучно, а когда уже с пайком пошла в обратный путь, то только думала о том, чтобы не начался обстрел, и никто на меня не напал и не отобрал продукты (и такое бывало).

Профессор Владимир Ильич Иоффе работал в Институте Пастера научным руководителем. Когда началась Великая Отечественная война, он был призван на Балтийский флот в качестве главного эпидемиолога Балтийского флота: полковником м/с. В 1942 году в Институт пришла весть, что Владимир Ильич награждён Орденом Красной Звезды. Находился он на отдыхе, подлечивался в Морском военном госпитале, который находится у Калинкина моста.

С поздравлением от Института с огромным букетом цветов меня и тётю Нину (как наиболее молодых и менее дистрофированных) направили в госпиталь. Когда мы вышли на Фонтанку, попали в зону мощного воздушного налета. Обстрел был страшный, мы метались из подворотни в подворотню. Проходившие (бегущие) встречные, тоже пытавшиеся где-нибудь спрятаться, смотрели на нас безумными глазами. Идут девушки в нарядных платьях с чудесным букетом, когда вокруг рвутся снаряды. Наконец объявили отбой воздушной тревоги, и мы благополучно достигли госпиталя. Войдя в здание, мы сказали охране к кому мы пришли, и нам разрешили пройти. Пока мы поднимались по лестнице, из полуоткрытых дверей палат выглядывали молодые моряки с недоуменными взглядами. Владимир Ильич лежал на койке. С благодарностью принял цветы и сразу начал расспрашивать об Институте, о товарищах. В глазах его были слёзы. Мы старались как можно ласковей с ним поговорить, побеседовали обо всем не спеша, пожелали всего доброго и собрались в обратный путь.

Спускаясь по лестнице, увидели опять раскрытые двери с толпящимися больными. Они словно провожали нас, устроивших в госпитале целый переполох своим появлением. Очевидно, наш «визит» на Владимира Ильича произвёл большое впечатление с эмоциональной стороны. После его кончины, спустя почти 40 лет, его племянница, сотрудница Института, сказала, что перед смертью он вдруг отчётливо вспомнил наше свидание с ним, как будто «это было недавно», а на самом деле «это было давно» спустя почти 40 лет, но оставило неизгладимое впечатление.

Один из трагических эпизодов блокадных дней

Наступил 1943 год. После долгой консервации пошли первые трамваи — это, конечно, облегчило передвижение граждан, но очень осложнило попадание в них. В один из дней я покинула свои «казармы» и отправилась домой. Мне соседи сообщили, что после взрыва бомбы в доме Энгельгардта во многих квартирах нашего дома треснули оконные стекла. Пришла домой, подклеила дополнительно стекла и решила заночевать. Обычно, когда я выходила из Института домой, то одевала на шею под одежду специальный мешочек, в котором хранила документы, продовольственные карточки, деньги и немногие золотые вещи. Когда ложилась спать, то мешочек клала под подушку, а утром одевала.

Нужно было такому случиться, что я проснулась, и когда уже надела пальто, вспомнила что я не надела свою «Ладанку», положила ее в портфель и пошла на трамвайную остановку. Трамвай брали с боем, я тоже старалась изо всех сил попасть в вагон, помня при этом, что портфель

Еще о хлебе насущном

«Сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам», как писала О. Берггольц.

Холодная осень, 1941 год. Голод. Основная масса населения получала 125 г хлеба. Норма рабочих и приравненных к ним составляла 250 г. Столько получали и сотрудники Института — «штаб» противоэпидемической обороны города. Хлеб обычно везли из ближайшей булочной, на углу Кировского пр. и ул. Мира. Поручено это было мне с товарищем. Когда с нагруженной хлебом тележкой мы переезжали проспект и были в 100 метрах от Института, на нас напали голодные парни и. вмиг забрав больше половины буханок хлеба, скрылись. От ужаса мы, оторопев, заплакали и довели почти пустую тележку до Института. Всё рассказали директору. Надо было как-то выходить из критического положения. Принесли аптекарские весы, и директор с болью в сердце лично разрешила буханку на равные кусочки по 100–125 г, т.е. вдвое меньше обычной нормы. Все переживали это событие, но обсуждению оно не подлежало.

Рабочий отряд Института. 1942 г.

*Слева направо: Г.М. Гольдберг (комиссар отряда), Ф.Е. Красник, Е.С. Рубловская, О.О. Хельберг, А.Т. Покровская, Н.И. Амосенкова, Е.М. Попова (командир отряда), К.И. Кривоносова, А.Е. Щуднева, Н.П. Подунова, А.И. Каверзнева
(Как и другие предприятия города, в Институте был организован рабочий отряд, в задачи которого входила подготовка к уличным боям в случае проникновения неприятеля в город)*